

Глава первая

В блиндаже было светло. Под потолком висел немецкий фонарь «летучая мышь». На стене весело тикали русские часы-ходики, гирька на цепи из будущего вытягивала время наступающего дня, последнего дня тяжелого 1941 года.

Вадим Серебров в который раз прошелся по блиндажу. Все складывается совсем не так, как недавно планировали в Главном разведывательном управлении флота и к чему готовились и упорно тренировались. Он так и этак прикидывал в своем уме, но при любом раскладе выходило в итоге одно — реальное выполнение задания превращается в нереальность.

Кончалась долгая ночь зимы, и приближалось время начала десанта в порт, начала штурма Феодосии. А они еще торчат здесь, в поселке Каранель, и пока неизвестно, когда и на чем смогут добраться до города. Пешим ходом уже им не удастся быстро одолеть эти десять километров. Даже если будут бежать, как на кроссе, с полной выкладкой. А там все только и начнется. Штаб брать — это одно дело, а вот где в городе того важного немца искать — это уже другое... А взять его надо обязательно! Носом рой землю, сказал на прощание начальник разведки флота, а этого самого Гюнтера, да еще фон Штейнгарта, разыщи и доставь! Вадим грустно усмехнулся. «Мы тут околачиваемся в блиндаже, дергаемся, а он, граф немецкий, сейчас наверняка где-то в Феодосии весело гуляет с девками и музыкой». Вадим мысленно чертыхнулся.

Все идет не так, как задумывалось и планировалось в Новороссийске, в штабе разведывательного управле-

ния Черноморского флота. Все не так! С самого начала, с подхода подводной лодки к Феодосии.

Высадку спецгруппы разведчиков планировали в районе каменистого пляжа, между красивой дачей Сытина, построенной в виде восточной крепости, и великолепным дворцом бывшего табачного магната Стамболи. В этом районе города много садов, и это дает возможность скрытно продвигаться к центру города. Но командир подводной лодки Николай Балкин развернул перед Серебровым карту, судя по которой весь этот прибрежный район утыкан немецкими минами. Другая карта показала, что дно в этих местах было густо усыпано нашими минами еще осенью, до прихода гитлеровцев в Крым. Был поспешно создан оборонительный пояс на случай высадки вражеского десанта с моря.

Пришлось согласиться с доводами капитана. Не загонять же подводную лодку на минные поля! Высадились на диком открытом пляже у поселка Каранель. От поселка до Феодосии добрый десяток километров. А часики тикают, и до начала штурма города, до высадки морского десанта остается не так уж много времени.

Его здравый ум подсказывал, что он, Вадим, зря потратил драгоценное время на покорение ненужного им немецкого блиндажа. Нужно было обойти его стороной и своим ходом двигаться по намеченному маршруту. А они так по-глупому вляпались, наивно поверив гидрографам, что удастся завладеть немецкой машиной.

С гидрографами — лейтенантом Усманом Зариповым и старшиной Петровым — разведгруппа случайно встретилась на берегу. Они высадились из другой подводной лодки и установили на берегу светящийся маячок, который будет служить ориентиром для боевых кораблей при входе в Феодосийский залив. Гидрографы и сказали, что за блиндажом у немцев машина. Совместно овладели блиндажом, а дальше что? Как стояла, так и стоит та машина. И ни с места. Просто

мотор не заводится. Ну, никак не хочет заводиться! И воду залили в радиатор, и бензина нашли полканистры. А машина ни в какую, даже ни разу не фыркнула, не чихнула.

Гидрограф Петров остался у машины и кумекал с мотором.

«Я эту немецкую заразу, — сказал он со злостью, — заставлю на коммунизм работать!»

Вадим в который раз перешагнул через крупную ракушку, что валялась на деревянном полу. Обычная ракушка, черноморская, величиной с кулак.

Думая о своем, Вадим невольно обратил внимание, что блиндаж сделан добротнo и просторно. Основательно врыт в землю. Стены, потолок, пол из оструганных досок. Вдоль стены вместительные полки, на которых все аккуратно расставлено. Полевой телефон. Вадим, скользнув взглядом по телефону, мысленно укорил себя за неосмотрительность, что заблаговременно не перерезали провод. В углу широкий топчан. Вешалка с верхней одеждой — плащами и шинелями. Железная печь. Стол крепкий. Две амбразуры в сторону моря. Крупнокалиберный пулемет и коробка патронов. Два выхода: один к окопам, другой в тыл. Приличная огневая точка на побережье, ничего не скажешь. Монотонно тикают на стене ходики, которые тут кажутся совсем неуместными. Старательно отсчитывают время. А его остается все меньше и меньше.

Артавкин покрутил ручку патефона, установил черный круг пластинки.

— Концерт продолжается, — сказал он. — Танго! Дамы приглашают кавалеров!

Пластинка, заигранная донельзя, сначала зашипела, потом сквозь шипение пробился знакомый баритон знаменитого певца:

*И ночами снятся мне недаром
Холодок оставленной скамьи,
Тронутые ласковым загаром
Руки обнаженные твои.*

Юрченко трудился у стола, покачиваясь в такт музыке. Немецким тесаком вскрывал консервы, резал крупными кусками хлеб, колбасу и сало. Гидрограф Усман Зарипов вынул из картонной коробки две бутылки — темную пузатую и плоскую светлую. Повертел их в руках, прочел этикетки.

— Друзья-товарищи, что будем пить? Немецкий шнапс или французский коньяк?

— А ты обе откупоривай, не прогадаешь! И мы дегустацию устроим, — предложил Алексей Громов, разбирая немецкие бумаги и журналы.

— Слушай, моряк, а ты, случайно, не из Феодосии? — спросил Усман.

— Из Феодосии. А что?

— Лицо твое мне показалось знакомым. Думаю, где тебя мог встречать? И вспомнил! Ты боксер, верно?

— Ну, боксер.

— На стадионе тебя видел, вот где! Здесь, в Феодосии. Года четыре назад. Был праздник на стадионе, и были соревнования по боксу. И ты там боксировал?

— Да, провел три боя, — сказал Алексей.

— Ты тогда здорово победил парня из Старого Крыма, помнишь?

— Ну, было такое дело.

— Так то был мой двоюродный брат Коля, а по-татарски Керим. Он сильно переживал, что победу тебе присудили. Но мы видели, хотя и болели за Керима, что ты был лучше и два раза его на пол послал.

— Он неплохо боксировал, особенно в первых двух раундах, пока на правый прямой не попался. Крепкий парень!

— Не знаю, жив ли он сейчас? А я тогда футболом увлекался, в сборной города выступал. Левым крайним в нападении. Я ведь левша и с левой ноги здорово бил! Мы тогда феодосийскую команду разделили подчистую!

Усман, не выпуская из рук бутылок, стал двигаться по блиндажу, как бы танцуя танго. Ему под ноги попала морская ракушка. Носком сапога он чуть пододви-

нул ее и, вспоминая свои удары по мячу на стадионе, лихо, со всего маху, своей левой футбольнул ракушку. Стремительной пулей она пролетела через блиндаж и угодила в темноту под широкий топчан.

И тут произошло невероятное. Из-под топчана раздался приглушенный человеческий вскрик:

— Ой-ой!

На мгновение в блиндаже наступила пауза. Лишь на какое-то мгновение. Замерли, прислушиваясь. Разведчики переглянулись между собой. Потянулись к оружию. Первым пришел в себя и отреагировал Сагитт, по прозвищу Пограничник, он служил на заставе. Он только вошел в блиндаж и смотрел, как Усман танцует. Сагитт, не мешкая, вскинул автомат и дал короткую очередь. Резко запахло пороховой гарью.

— Ай! Ай! Стреляйт нет! Стреляйт нет! Гитлер капут!

Из-под топчана выполз дрожащий немец. Встал на ноги с поднятыми руками. Невысокий ростом, рыжие волосы и темное, обветренное, слегка сплюснутое с боков узкое лицо. Губы подрагивают. В блеклых глазах животный страх насмерть перепуганного зверька. Щека в крови. Ракушка попала ему в лицо под глазом.

— Стреляйт нет! Гитлер капут!

Артавкин, не ожидая приказа Сереброва, деловито обыскал немца. Оружия у него не было. Вынул из карманов и положил на стол документы, потертую солдатскую книжку, тощую пачку немецких марок, связку ключей, начатую пачку сигарет.

— Вроде все...

Серебров, взглянув на документы и полистав солдатскую книжку, передал их Громову:

— Разберись. — И добавил: — А сейчас переводы мои вопросы. Но сначала предупреди немца, чтобы говорил только правду, если хочет жить, а не то тут же расстреляем.

Громов перевел предупреждение. Немец, услышав родную речь, подобострастно и заискивающе заулыбался и обрадованно закивал головой:

— Йа, йа! Да, да, герр партизанен!..

— Мы не партизаны, — строго оборвал его Серебров и сказал Алексею: — Переведи ему, что мы военные моряки.

Услышав это, немец оторопело, с нескрываемым удивлением, переводил взгляд с одного моряка на другого. Быстро залопотал. Из его слов стало ясно, что солдаты его полка слышали от офицеров, что за Феодосией в горах действуют русские партизаны, их опасаются, а моряки страшнее партизан. Их немцы называют «полосатыми дьяволами», поскольку они бесшабашно храбрые и грозные в бою. Об этом говорят все, кто уже побывал под Севастополем и прибыл в Феодосию, в глубокий тыл, на краткий отдых.

— Севастополь! Гут! Рус! Карош!

Допрос был кратким. Серебров задавал вопросы, Громов переводил их. Немец отвечал, Громов переводил. В записном блокноте Старков записывал ответы. Зовут Фриц, фамилия Мюллер. Родом из Баварии. Звание — ефрейтор. 25 лет. Далее рота, полк, дивизия.

Алексей вспомнил, как полчаса назад из блиндажа выходил пьяный немецкий офицер, которого Сагитт завалил, и искал какого-то Фрица.

— Это тебя искал обер-лейтенант?

— Герман Герлиц?

— Да! — сказал Громов.

— Меня он искал.

— Зачем ты был ему нужен? — задал очередной вопрос Серебров.

Он смотрел на Фрица, мысленно решая задачу, которая свалилась ему на голову: а что делать с пленным? Куда деть? Не тащить же с собой? Расстрелять? Ему еще ни разу не приходилось за месяцы войны ни расстреливать, ни отдавать приказ о расстреле. В разных перделках пришлось побывать: отражал атаки, дважды был в крупной рукопашной схватке, когда сошлись лицом к лицу моряки с эсэсовцами, много раз ходил под Севастополем через линию фронта в тыл врага, при-

водил «языков», даже тащить их на себе приходилось. Еще час назад, когда брали блиндаж, не задумываясь и не сомневаясь, запросто бы прихлопнул и этого ефрейтора. Но угар боя прошел, напряжение ненависти спало. Перед ним стоял дрожавший от страха ефрейтор. Как быть сейчас? Что с ним делать?

— Обер-лейтенант искал меня, чтобы уехать в Феодосию, — поспешно ответил Фриц Мюллер.

— Зачем ему понадобилось уезжать?

— Обер-лейтенант завтра с утра должен быть в штабе. У него дежурство.

— А ты тут при чем?

— Без меня ему не добраться до Феодосии. Я же шофер.

— Шофер? — оживился Серебров.

— Да. При штабе корпуса, — ответил ефрейтор с некоторой гордостью.

— А машина твоя где?

— Машина моя здесь, рядом.

Это круто меняло дело. Значит, это его машину они пытались завести. Серебров сразу повеселел. Этот Фриц наверняка знает, почему машина капризничает. Надежда, которая не покидала Вадима, начинала обретать реальные физические черты. Они еще успеют! У него мгновенно созрел план действий. Немец нужен, он пригодится. Он привезет их прямо в штаб! Надо немедленно двигаться к Феодосии. Но вслух сказал:

— Ты плохой шофер.

— Почему плохой? — удивился ефрейтор. — У меня поощрения от самого командира штаба.

— У тебя машина неисправная. Она не заводится.

— Правильно! Без меня она никогда не заведется. Она у меня с секретом. Чтобы никто ею не мог пользоваться. Если желает командир русских моряков, я это ему покажу и сам заведу машину.

— Сейчас пойдем и проверим. — И Серебров приказал разведчикам: — Внимание, орлы! На сборы три минуты! Отчаливаем!

— Командир, а как же харчи? — не удержался и спросил Семен Юрченко. — Все готово! Неужто пропадать такому закусону?

— Время нас поджимает, — сказал твердо Серебров. — Забираем с собой! Пожует и в машине, не господа-аристократы.

— Не, в машине пить негоже, — сказал Артавкин, — хоть по глотку надо пропустить.

— По глотку можно, — подобрел Серебров.

В блиндаж ввалился Иван Петров. Лицо и руки перемазаны машинным маслом.

— Ну что я говорил? А? — обрадованно выпалил он. — Завелась, проклятенская! Работает, как часики! Немецкая зараза послужит теперь нашему коммунизму!

— Ты машину подогнал к блиндажу? — спросил Серебров.

— Ага, подогнал, — ответил Иван.

Увидев немца, он смолк, удивленно глядя на ефрейтора с окровавленным лицом.

— Этот еще откуда взялся? Мы ж вроде всех прикончили?

— Из-под лежака вытащили, — пояснил Юрченко и добавил с широким жестом: — Присоединяйся к столу!

Алексей Громов взял кусок хлеба, положил сверху кусок сала, прикрыл колбасой и этот увесистый бутерброд протянул Фрицу.

— На, поешь!

Тот не ожидал от русских такого доброго жеста. Он видел, как немецкие солдаты жестоко обращаются с пленными русскими солдатами, и, естественно, приготовился испытать подобное отношение к себе.

— Данке шон! Благодарю вас. — Фриц вцепился зубами в бутерброд.

— Рубай, пока дают!

Громов не испытывал сейчас к немцу той ненависти, которая еще недавно пылала в нем. Он видел перед собой человека в военной форме вражеской армии, насмерть испуганного и задавленного страхом.

Школа бокса, которую Алексей усвоил, выработала в нем простые строгие человеческие качества: жесткость и человечность. Жесткость на ринге, во время поединка — бой есть бой! — но без лютой ненависти к сопернику. А после боя человечность и порядочность к сопернику. И сейчас, на войне, несмотря на резко обостренное противостояние, когда перед тобой не соперник, а враг в полном смысле слова, когда победу определяют не спортивные судьи, а сам факт жестокого сражения до полного уничтожения, то сейчас, поостыв, Алексей не ощущал к Фрицу ненависти, скорее любопытство. Это был первый немец, враг, которого он видел не через прорезь прицела, а вблизи и без оружия, как пленного.

— По сто грамм законных фронтовых, как и положено, — сказал Усман, наполняя до краев стаканы из пузатой темной бутылки. — И за наш общий первый успех!

— За успех!

— И за победу!

Разведчики и гидрографы сдвинули стаканы, дружно выпили. Стали быстро закусывать.

— Заканчиваем и на выход! — приказал Серебров.

— А с фрицем как быть? — спросил Зарипов.

— Посадим за руль. Он до штаба повезет, — сказал Серебров и повторил: — На выход!

Раздался телефонный звонок. Разведчики примолкли, вопросительно посмотрели на Сереброва, как бы спрашивая его о том, как быть: брать трубку или не брать? А телефон продолжал звенеть, резко и властно.

Ввязываться в новую неопределенную ситуацию Вадиму Сереброву никак не хотелось. Достаточно того, что и так потеряли много времени на овладение блиндажом. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Машина есть, мотор завели, и шофер появился. Что им еще надо? Отваливай поскорее и дуй напрямую к штабу.

Но телефон настойчиво и требовательно звенел и звенел. Вадим мысленно чертыхнулся. Не взять трубку — значит невольно вызвать подозрение и даже тревогу там, в Феодосии, в штабе. Что звонили именно оттуда, Серебров не сомневался. Кому же еще, как не дежурному в штабе, придет в голову трезвонить по полевому телефону глубокой ночью? А если взять, то штабной дежурный по голосу догадается, что в блиндаже чужие люди, и поднимет тревогу. Как ни крути, а результат один.

Все эти мысли стремительно пронеслись в голове, и Серебров, поколебавшись, кивнул Громову:

— Послушай! — и добавил, кивнув на немца: — А этому рот заткните.

Юрченко и Артавкин отвели немца в угол и затолкали ему в рот кляп из свернутой пилотки.

Алексей снял трубку, приложил к уху.

— Але, Але! Слушаю! — по-немецки произнес он.

— Какого дьявола не берете трубку? — послышался властный гортанный голос. — Заснули там, что ли? Я вам покажу, как спать на посту!

— Мы тут... понимаете... на улице холодно... — плел несурязицу Алексей, внимательно прислушиваясь.

— Ты что там бормочешь? Это ты, Фриц Мюллер?

Алексей обрадовался такой удаче, что его принимают за Фрица.

— Да, да!..

— Пьяный, что ли?

— Ну, есть немножко...

— Только появись в штабе! Я тебе завтра утром яйца оторву и в твою пьяную глотку засуну! Понял, свиная рожа?

— Понял... Виноват!..

— Я с тебя три шкуры спущу, каналья! Немедленно позови обер-лейтенанта Германа Герлица!

— Германа Герлица? — переспросил Громов, вспоминая, как час назад вел «беседу» с этим немцем, отвлекая его внимание и давая возможность Сагитту

Курбанову незаметно приблизиться и прикончить обер-лейтенанта.

— Да, обер-лейтенанта! Живо!

— Его нет, он вышел.

— Я же ясно сказал тебе, пьяная твоя рожа, немедленно позови к телефону!

— Обер-лейтенант ушел в поселок и сказал, что явится утром, — придумал на ходу Громов.

— Куда ушел?

— В поселок. Сказал, что у него там есть хорошие знакомые.

— Хорошие знакомые или одна хорошенькая знакомая? — язвительно произнес дежурный по штабу.

— Мне неизвестно это!

— Болван! — Он смачно выругался последними словами и повысил тон. — Слушай меня внимательно, ефрейтор Фриц Мюллер!

— Весь внимание!

— Немедленно, повторяю, каналья, немедленно разыщи обер-лейтенанта! И передай ему приказ самого коменданта, чтобы был на береговом посту и глядел в оба глаза! Со стороны Керчи в Феодосию по шоссе движется штабная машина. Ты понял меня?

— Так точно! Со стороны Керчи по шоссе движется штабная машина.

— Верно, ефрейтор Фриц Мюллер.

— А какая машина? Легковая или грузовая? — робко спросил Алексей.

— Легковая, дубина! И намного лучше твоей! Как только она проследует мимо вашего поста, пусть обер-лейтенант сразу же по телефону сообщит в штаб, чтобы мы ее здесь встретили. Понял?

— Так точно! Как только машина проследует мимо поста, сразу же сообщить в штаб!

Положив трубку и крутанув ручку, дав отбой, Алексей Громов подробно пересказал Сереброву весь разговор с дежурным по штабу, что со стороны Керчи движется какая-то важная шикарная машина, и задал вопрос:

— Будем встречать?

Серебров потер ладонью подбородок. Как быть? Все подготовлено к поездке в Феодосию, а тут такое дело подваливает... Упускать не хочется. В Феодосию, конечно, надо спешить, а то поздно будет. До штурма города остались считанные часы. Но как в штабе, в Феодосии, у них дело завяжется, пока никому не известно. Расчет лишь на внезапность и одно везение. Впрочем, Вадим Серебров за эти месяцы войны уже научился простой военной мудрости — не размышлять о неприятностях, которые еще не произошли. А здесь прямо в руки удача сваливается. Стоит ли упускать? И вслух произнес то, что ждали разведчики:

— Будем брать!

— А с пленным как? — спросил Григорий Артавкин.

— Что как? Свя-зять! — по слогам произнес Серебров. — И пусть в блиндаже нас дожидается. А телефонный провод перерезать.

— Мы с вами, — сказал Усман Зарипов.

— Спасибо! — ответил Серебров. — А я как раз об этом хотел вас попросить, поскольку приказывать не могу.

Море штормило, с огромной силой швыряя волны на берег. Брызги перелетали через проволочное ограждение, падали на дорогу, тускло блестящую в туманной темноте зимней ночи. Ветер свирепел. Мокрая снежная пурга усилилась: она летела навстречу, прямо в лицо, слепила глаза, забивала дыхание, старалась свалить с ног. Пронизанная насквозь морской соленой влагой, морозно-холодная, она пробирала до самых костей, выдувая тепло из человеческого тела.

— Ишь, как расходился штормяга! — сказал Алексей Громов, поднимая воротник немецкого плаща.

— Баллов семь, не меньше, — определил Артавкин, тоже натянувший немецкий плащ поверх бушлата.

— А может, и больше, — сказал Иван Петров, нахлобучивая шапку на самые глаза.

До рассвета было еще далеко. Зимняя ночь властвовала в полную свою силу. Море гудело и грохотало.

ло ударами волн о берег. Тучи тяжелые, как мокрые одеяла, висели низко над морем и над землей, закрывая звезды, и лишь в крохотные разрывы сквозь серую густоту обозначалось светлым пятном место, где пряталась луна.

Серебров расставил своих людей на огневые позиции вдоль шоссе и определил каждому его задачу в общем плане по захвату штабной машины. Алексею достались водитель и охранник на переднем сиденье, а если машина не остановится, то и задние колеса.

— Пали по скатам, — напутствовал его Серебров, — по резине.

Ждать пришлось недолго, но за эти короткие минуты томительного ожидания Алексей продрог. «Хорошо еще, что догадался плащи немецкие взять, а то б давно промок насквозь», — подумал Алексей, всматриваясь вдаль, в тускло поблескивавшую от влаги ленту дороги.

Оттуда, издалека, сквозь шум моря и ветра, донесся протяжный переливный свист. То подавал сигнал высланный вперед Сагитт Курбанов.

— Встречаем машину, — сказал Иван Петров, передегивая затвор немецкого автомата.

Из-за близкого пригорка показалось светлое пятно, которое быстро увеличивалось и нарастало. А вскоре автомобильные фары, словно два огненных глаза, выскочили из-за пригорка, стали стремительно приближаться, и в их свете было видно, как перед машиной кружили и клубились снежные вихри.

Алексей Громов привычно вскинул автомат. «Едут, гады, как у себя в Германии, даже без светомаскировки», — со злой неприязнью подумал он. Присмотревшись, Громов увидел, что позади длинной легковой машины, как за широкой спиной, укрываясь от встречного ветра, катила охрана — пятерка мотоциклистов. Это усложняло дело. Все оказалось рискованнее и опаснее.

Серебров тоже увидел мотоциклистов и понял, что ситуация обострилась и только внезапность и стремительные действия могут привести к успеху. От охраны исходила главная опасность. В план, который

он загодя продумал и заранее наметил, надо вносить изменения.

— Всем внимание! — крикнул Старков и добавил морской и привычной терминологией: — Вариант два! Гранаты товсь!

Дальнейшие события произошли быстро, в считанные секунды. Бой был скоротечным. Едва машина с мотоциклистами поравнялась с засадой, как под колеса и в охрану полетели гранаты. И одновременно с гулко ухнувшими взрывами затрещали автоматы.

Граната, пущенная Серебровым метко и расчетливо, угодила под передние колеса лимузина и взорвалась под мотором. Длинная черная машина неестественно дернулась, словно внезапно напоролась на невидимую стену, чуть подпрыгнула, вздыбилась передком, подброшенная силой взрыва, плюхнулась на землю своим железным брюхом уже без передних колес, со скрежетом развернулась поперек дороги и завалилась набок.

Две другие гранаты разорвались позади машины. Одна угодила в гущу мотоциклистов и разметала их в разные стороны дороги. Вслед за взрывами торопливо загрелись автоматные выстрелы, точным и секущим огнем поражая наповал и охрану, и тех, кто находился в машине.

Не прошло и минуты, как все было кончено. Погасли фары, прекратились всплески огня из стволов автоматов. Навалилась темнота ночи. Лишь море гулко грохотало, бросая волны на берег, да ветер порывисто швырял охапками мокрый холодный снег на поселок, на дорогу, на завалившуюся машину, на бездыханных охранников-мотоциклистов и остужал радостно разгоряченные лица разведчиков.

Алексей Громов, сжимая автомат, ладонями чувствовал приятное тепло, которое исходило от разогретого стрельбой оружия. Чуть в стороне стояли Иван Петров и Усман Зарипов с наведенными на машину автоматами.

Серебров дал условный знак, и Юрченко с Артавкиным, пригибаясь, держа автоматы на изготовку, с двух

сторон приблизились к темной штабной машине. В ней не было слышно ни звука. Юрченко распахнул переднюю дверцу, и ему под ноги вывалилось тело убитого. Тускло сверкнули на шинели офицерские погоны. Из машины пахнуло теплом, запахом крови и спиртным перегаром. Шофер уткнулся окровавленной головой в разбитое переднее стекло.

Артавкин рывком раскрыл заднюю дверцу машины. На кожаном мягком кресле кто-то лежал в шинели скрючившись, головой к противоположной дверце. То ли живой, то ли мертвый. Григорий дважды резко ткнул его дулом автомата. Немец глухо ойкнул от боли. Живой! Артавкин отступил и вскинул автомат.

— Хенде хох! Руки вверх!

Немец не шевелился. Подскочил Юрченко, сорвал у него с пояса кобуру с пистолетом и выволок из автомашины. Тот встал на ноги и послушно задрал кверху обе руки. От немца несло перегаром.

— Пьяный, гад! — выругался Юрченко.

На плечах добротной шинели тускло светились витые генеральские погоны. Юрченко быстро обыскал немца. Вынул из бокового кармана маленький «браунинг».

— Командир, один живой! — крикнул Артавкин. — Генерал!

Новость обрадовала Серебров. Захватить живого генерала далеко не так просто, и Вадим не помнит, чтобы кому-то из разведчиков флота удавалось доставлять такого знатного и ценного «языка». Хотя что-то важное группа сделала в тылу!

Он поспешил к машине. Включил свой фонарик, направил пучок света в лицо немца и замер. Серебров смотрел и верил и не верил своим глазам. Перед ним был человек, лицо которого он еще совсем недавно старательно изучал и запоминал по фотографиям в штабе разведывательного управления флота. Среднего роста... Лицо полное, но некруглое... Нос прямой, под носом маленькие усики, как у Гитлера. Массивный тяжелый подбородок... Неужели это он? Тот самый,

ради захвата которого и высадились на Керченском полуострове? Не может быть!.. Неужели им так просто и легко удалось его заарканить?

— Вильгельм Гюнтер фон Штейнгатт? — спросил Серебров, придавая голосу твердость и властность.

Генерал, услышав свои имя и фамилию, вскинул голову и оторопело уставился взглядом в русского. Хмель мгновенно улетучился из него. Что это были русские, он не сомневался. Нисколько не сомневался! Предчувствия не обманули его. Случилось то, чего он так опасался. Еще там, под Керчью, в штабе корпуса, когда генерал фон Шпонек получил известие, что русские десантники ворвались в пригород Керчи, генерал-лейтенант Гюнтер фон Штейнгатт почувствовал опасность. И поспешил убраться из опасной зоны, поскорее уехать в тыловую и уютную Феодосию. И на тебе! Избежал опасности! Поторопился себе на горе. Поспешил, чтобы попасться русским прямо в руки.

— Вильгельм Гюнтер фон Штейнгатт? — повторил вопрос Серебров.

На него были направлены дула трех автоматов. Отпираться бессмысленно. Его узнали. Значит, охотились русские разведчики именно за его персоной... И еще одно важное открытие, которое он сделал в эти секунды: в штабе корпуса есть предатель. Тайный агент! Он успел сообщить русским о его отъезде. Иначе откуда они могли знать и поджидать его именно на этой дороге?

— Да, я есть Гюнтер фон Штейнгатт, — выдавил он из себя признание.

Серебров кивнул. Он получил подтверждение из уст самого генерала. Но внешне ни один мускул не дрогнул на его обветренном лице, словно ему часто приходилось брать в плен генералов. А в душе он ликовал! Надо же, как здорово подфартило!

— Громов, сюда! — повелел Серебров.

Алексей и без приказа уже подходил к пленному генералу.

— Переведи генералу, что мы — русские разведчики! Советуем ему вести себя благоразумно! Если генерал будет благоразумен, то мы гарантируем ему, что он останется в живых!

Алексей Громов перевел генералу слова Серебров. Гюнтер фон Штейнгарт понимающе закивал:

— Йа, йа! Да, да! Он на все согласен!

Ветер распахивал полы добротной шинели на меху, швырял в лицо мокрый снег, и по одеревеневшему от страха лицу генерала скатывались то ли растаявшие снежинки, то ли горькие слезы обиды и глубокой печали.

— Переведи ему, что он может опустить руки, — сказал Серебров.

Алексей Громов перевел, и генерал, одобрительно кивнув, послушно опустил руки.

— Артавкин, обыскать машину! — велел Серебров.

Григорий вскрыл багажник — из него приятно пахло копченой рыбой. Моряк извлек из багажника увесистую картонную коробку с копченой рыбой, аккуратно завернутые в бумагу два осетра и севрюгу. Потом обследовал заднее сиденье и вытащил пухлый кожаный портфель.

Увидев свой портфель, генерал чуть не застонал. Ну зачем он возил с собой секретные документы?! Почему не послушался доброго совета подполковника фон Альфена, разбитного коменданта Феодосии, предлагавшего оставить их, особенно зеленую папку с грифом «Совершенно секретно», надежно заперев в стальном сейфе, а ключи взять с собой?

— Командир, портфеляга с документами! — доложил Артавкин.

— Передай Громову, пусть разберется! — велел Серебров. — Отходим в блиндаж!

И тут внезапно произошло то, чего никто не предполагал и даже не мог себе вообразить. Со стороны блиндажа на фоне темно-серого неба вырос четкий черный силуэт немецкого солдата с автоматом в руках. Раздался громкий властный окрик:

— Руки вверх! Хенде хох!

И воздух резанула автоматная очередь.

Гидрограф Усман Зарипов, который находился ближе других к этому внезапно появившемуся немцу, удивленно вскрикнул и, выпуская из рук оружие, плашмя повалился на землю. Тут же, согнувшись пополам, схватившись руками за грудь, беззвучно упал и Семен Юрченко.

— Ложись! — автоматически выкрикнул команду Серебров.

Алексей Громов одним прыжком очутился рядом с генералом. Алексей цепко ухватился за его шинель, привычно сделал подсечку и повалил плотного немца на мокрую мерзлую землю. А сам навалился сверху, своим телом прикрывая и спасая его.

Генерал забился в крепких руках Громова, пытаясь одолеть, освободиться и отчаянно, с хрипотой в голосе, заорал по-немецки:

— Спасайте меня! Спасайте! Я — немецкий генерал! Получите большую награду!

Заглушая крик немецкого генерала, справа от дороги прозвучала короткой вспышкой автоматная очередь. То подоспел Сагитт Курбанов. Пограничник стрелял без промаха.

Раздался приглушенный вскрик, и тот, кто еще секунду назад грозил смертью, сам повалился навзничь. Но и в лежачего, уже не живого, немца Артавкин и Петров всадили из автоматов длинные очереди.

Больше немцев не было. В наступившей тишине слышались лишь отчаянный крик генерала, который все еще пытался высвободиться из железных объятий Громова, да монотонный грохот волн и свист ветра.

Артавкин, с автоматом на изготовку, пригнувшись, короткими перебежками приблизился к заваленному врагу. Перевернул его, узнал в нем пленного ефрейтора:

— Гад! Наш пленный! Фриц! Как же он выпутался?

Как же он смог выпутаться? Ведь его связали крепко и прочно? Но на эти вопросы уже никто не сможет ответить. Фриц все-таки смог, он каким-то чудом выпутался и сразил двух моряков: Семена Юрченко, который связывал его веревкой, и лейтенанта-гидрографа Усмана Зарипова, футболиста, который разоблачил притаившегося под лежаком ефрейтора...

Петров склонился над Усманом. Но тот почти не подавал признаков жизни.

— Как же я вернусь, а?.. Без командира!

А Семену Юрченко торопливо перевязывал смертельные раны Сагитт Курбанов. Артавкин ему помогал.

— Сема, потерпи... Мы выкрутимся!

Громов легонько дал генералу под дых, чтобы успокоился и не дергался напрасно. И вразумительно пояснил, чтобы зазря не портил свои голосовые связки, поскольку никаких немецких солдат поблизости не имеется, что это был отчаянный одиночка, пленный ефрейтор, который случайно вырвался из блиндажа.

— Советую вести себя благоразумно, если хотите остаться в живых!

Алексей Громов помог генералу подняться с земли и встать на ноги.

Над морским горизонтом, как вспышки молнии, освещая тучи, внезапно засверкали яркие всполохи.

— Началось! — выдохнул Алексей, показывая рукой в даль моря. — Корабли бьют!

Вдали, над горизонтом, где море сближалось с тучами, вспыхивали ослепительные всполохи, словно одновременно засверкало множество молний, и оттуда, из близкого далека, сюда докатился раскатистый гром залповой пальбы тяжелых бортовых орудий. Небо прочертили огненные следы осветительных снарядов, которые вспыхивали и повисали над портом Феодосии крупными яркими фонарями. А в следующее мгновение там, на пристани в Феодосии, над портовыми сооружениями взметнулись вверх огненные кусты бесконечных разрывов, и все побе-

режье, приморские кварталы города разом потонули в огромном, kloкочущем, как в жерле вулкана, яростном буйстве огня.

Серебров шагнул к Гюнтеру фон Штейнгарту, который с ужасом смотрел на Феодосию, и сказал Алексею:

— Переведи генералу, что ему здорово повезло! Он попал к нам, а не в огненное пекло. Скажи ему, что там начинается высадка очень большого морского десанта!

Штейнгарт и сам все видел и все понимал. Силуэты больших военных кораблей, охваченные огненными всполохами залпов, были видны на горизонте и в порту. Генерал смотрел на порт, на город, и сердце его сжалось в комок от тревоги и страха. Генерал думал не о себе и не о немецких солдатах. Там, в Феодосии, в эти минуты находился его племянник Рудольф, обер-лейтенант вермахта. У самого генерала не было детей. Он воспитывал Рудольфа, отец которого погиб еще в Первую мировую войну. Рудольф был хорошо устроен, служил в столице рейха при главном штабе. И зачем он, Гюнтер фон Штейнгарт, пользуясь своим высоким положением, включил Рудольфа в свою свиту, вывез из Берлина в эту командировку на фронт, в Крым?

Над Феодосией бушевал огненный смерч.

Через пару часов на подводной лодке, которая подошла к Золотому пляжу за гидрографами, в Новороссийск был отправлен Гюнтер фон Штейнгарт и его портфель с секретными документами. И тяжело раненые Зарипов и Юрченко.

Спецгруппа Сереброва по приказу разведывательного управления флота осталась в Феодосии. Ей предстояло выполнить новое задание.

На следующий день, накануне нового 1942 года, вся страна слушала торжественный голос Левитана, который читал приветственный приказ Верховного главнокомандующего по Всесоюзному радио:

«Командующему Кавказским фронтом генерал-лейтенанту товарищу Козлову.

Командующему Черноморским флотом вице-адмиралу товарищу Октябрьскому.

Поздравляю вас с победой над врагом и освобождением города Керчи и древнего города Феодосии от немецко-фашистских захватчиков.

Приветствую доблестные войска генерала Первущина и генерала Львова и славных моряков группы военных кораблей капитана первого ранга Басистого, положивших начало освобождению Советского Крыма!

Крым должен быть освобожден от немецко-фашистских захватчиков и их румыно-итальянских прихвостней.

*Иосиф Сталин.
Москва, Кремль,
30 декабря 1941 года».*

Торжественно-взволнованный голос Левитана, в котором явственно звучали радостные нотки, преодолев тысячи километров, долетел и до осажденного Севастополя.

Эта радостная весть облетела мгновенно весь фронт: от берега моря до заснеженных горных отрогов, от прифронтовых штабов до блиндажей, до укрепленных районов и передовых окопов. Эта весть вселяла в сердца уставших от боев защитников, моряков и пехотинцев, отбивших очередной отчаянный и многодневный штурм немцев, светлую надежду на будущее и укрепляла уверенность в предстоящем победном торжестве.

Голос московского диктора слышали и в промерзшей, усыпанной снегом Балаклаве, самой южной точке севастопольской обороны, в штабе полка. В ту минуту, когда радист, широко улыбаясь, торопливо записывал в журнал известие о высадке десанта в Феодосии и новогоднее поздравление из Москвы, Сталина Каранель вышла из каземата во двор Генуэзской крепости.

На море бушевал шторм. Ветер бросил в лицо снежную крупу. Глаза невольно заслезились. Сталина глубоко нахлобучила черную меховую ушанку, поправила на шее серый шерстяной шарф, связанный и подаренный ей в прошлом году бабушкой Ханной.

Шарф был мягкий и теплый. Она держала в руках конец шарфа, перебирая пальцами бахрому. «Вот и все, что осталось у меня от мирной жизни, — грустно подумала Сталина. — Дом разбомбили, баба Ханна в Инкерманских штольнях, отец еще в первые дни войны...» Крейсер «Москва», где он служил старшим помощником капитана, героически погиб, ушел на дно Черного моря при дерзком рейде отряда боевых кораблей на Констанцу, главную румынскую военную базу... От Алеши Громова ни слуху ни духу. Сегодня ночью он ей приснился. Алексей пытался ее поцеловать, а она увертывалась и отворачивалась... Где он? Что с ним? Жив ли? Слезы покатались по ее щеке. Сталина стерла их кулаком, но на их месте появились другие. На душе было хмуро и пасмурно, и никакой радости впереди, в ближайшие дни и недели.

— Здравствуй, первый день нового года, — тихо и грустно произнесла она и закусила губу.

Думала ли она год назад, счастливая и радостная, что в такой обстановке придется встречать Новый год? Даже в кошмарном сне не могло присниться...

Около древней крепостной стены дюжина моряков занималась гимнастикой. Обнаженные по пояс, они весело и шумно делали упражнения, размахивали руками, приседали, подпрыгивали, многие обтирались снегом, и от их порозовевших тел исходил легкий пар.

В этом году зима, что необычно для Крыма, слишком рано вступила в свои права. Пасмурное серое небо нависло над Балаклавой толстой мешковиной хмурых туч, они выползали из-за хребта горы, на вершине которой укрепились немцы, выползали одна за другой и, казалось, опускались до самого низа долины, покрывая серой мутью полуразрушенный город. Редкий дым уныло клубился над крышами еще уцелевших до-

мов. А с моря доносился гудящий рев шторма, густой и монотонный, чем-то похожий на артиллерийскую канонаду.

Артиллерийская канонада, стрельба, трескотня автоматов и пулеметов, гулкие разрывы бомб долго звучали в ее ушах. Перед Новым годом гитлеровцы предприняли очередную попытку прорваться в Севастополь на этом участке обороны. Но севастопольцы устояли. И здесь, в Балаклаве, немцы не продвинулись ни на метр, как и штормовому морю не удалось одолеть прибрежные скалы. Бесконечные ряды серо-зеленых волн, своим цветом схожих с немецкими шинелями, с дикой яростью одна за другой бросались на потемневшие бурые каменные откосы, на рыжие гранитные скалы. Но преодолеть их не хватало сил. И они с грохотом разбивались, фонтаном взлетали вверх и с брызгами и белой пеной падали вниз, уступая место очередной грозно атакующей волне.

Вместе с грохотом волн от моря несло соленым ветром и сырым туманом. С приходом холодов наступало то зимнее время, когда ласковое Черное море внезапно теряло свой привычный облик, привычные светло-зеленоватые, лазурные и глубокие ультрамариновые краски и становилось черным и угрюмо свирепым.

— Наши высадились в Крыму!

Мимо пробежал посыльный из штаба, непонятно почему веселый и радостный. Размахивая руками, он громко повторял:

— Наши высадились в Крыму!

«А где мы? На Кавказе, что ли?» — Сталина грустно усмехнулась, окутанная своими невеселыми думами. Но одно слово «высадились» как-то внезапно заставило ее насторожиться. Вокруг произошла какая-то перемена. Моряки, которые обтирались снегом и занимались гимнастикой, вдруг стали подпрыгивать и веселиться. Из каземата выскочил Костя Чернышов, в полосатой морской тельняшке, крупный, как медведь, с трофейным немецким автоматом в руках, и стал палить оче-

редями в небо, в сторону вершины горы, где укрепились немцы. За ним стали салютовать и другие бойцы.

— Наши высадились в Крыму!

— Десант в Феодосии!

Сталина восторженно встрепенулась, как птица. Десант в Феодосии? Неужели правда? Вот это да! Серый пасмурный день сразу превратился в сияющий, праздничный. Новогодний день засверкал новыми красками. Недавняя обреченность растаяла как туман, и надежда, как солнце за облаками, вселяла уверенность, порождала в сердце светлую веру в то, что самое главное, самое важное в ее жизни еще впереди. И жизнь обретала торжественную радость. Снег вокруг заискрился блестками. Слезы грусти превратились в слезы радости. Она их не стыдилась, не стирала со щек кулаком. Губы расплылись в улыбке, она повторяла и повторяла как заклинание:

— Десант в Феодосии! Десант в Феодосии!

В эти минуты ей открывалась великая военная тайна. Сталина выучила наизусть единственное письмо от Алексея, которое привез из Новороссийска сам Дмитрий Васильевич Красиков. Как сказала тогда ей баба Ханна, вручая письмо, что «главный спортивный начальник» строго наказывал «передать письмо лично в руки, о нем никому не говорить и никому не показывать». Тогда такая секретность удивила Сталину. А теперь, только теперь она поняла. Все поняла! Алеша намеками раскрывал военную тайну, а она и не догадывалась. Он писал, что «с друзьями придет пешим ходом в родной город, что они победно встретятся!». Слова «пешим ходом» были подчеркнуты. Она часто над этим задумывалась, но понять скрытый смысл не могла. А Алеша прямым текстом говорил о предстоящем десанте в его родную Феодосию! Что готовится помощь осажденному Севастополю не с моря, а с суши, и он придет «пешим ходом», придет в Севастополь, и они с ней «победно встретятся!»

Сталина зажмурилась, и в памяти стали воскресать приятные моменты сна, когда Алеша тянулся к ней, об-

нимал и все пытался поцеловать... Сон-то в руку! Сон вещей! Алеша там, в Феодосии! Она улыбалась сквозь слезы. Алеша там, среди десантников! Он жив! Жив! Родной мой! Милый! И мы встретимся... Обязательно встретимся!

Эриха фон Манштейна подняли на рассвете.

Командующий 11-й немецкой армией долго не мог заснуть. Одолевали мрачные мысли. Рождество заканчивается, а он так и не выполнил своего обещания фюреру — взять Севастополь. Взять и на этот раз не удалось. Два месяца топчутся у стен морской крепости. Очередной штурм, который так тщательно подготавливали, захлебнулся. А это ничего хорошего ему, как командующему армией, не предвещало. В группе «Север» за невзятие Ленинграда уже отстранены и сняты со своих высоких постов многие боевые и заслуженные генералы.

— Герр, генерал! Герр, генерал!

Манштейн с трудом разнял свинцовые веки. По взволнованному голосу адъютанта обер-лейтенанта Шпехта, обычно бодрого и неунывающего, Манштейн сквозь пелену сна нутром солдата уже почувствовал, что произошло что-то важное. Он знал, что адъютант по пустякам тревожить не станет. И дурное предчувствие, которое досаждало ему ночью, обретало реальное воплощение.

— Что?

— Русский десант в Феодосии!

Одеяло вместе с остатками сна отлетело прочь. Генерал мысленно чертыхнулся. За окном наступал серый холодный новогодний рассвет. Генерал мысленно увидел перед собой карту Восточного Крыма. Потеря Феодосии грозит потерей всего Керченского полуострова. Боксерский удар, сильный и точный, прямо в солнечное сплетение!

В штабе армии уже находились его подчиненные.

Вокруг стола, на котором была разостлана карта Восточного Крыма, стояли высшие чины армии, стояли молча, уперев свои взгляды в черный кружок на берегу

залива с названием Феодосия. Невозмутимый и обычно спокойный и выдержанный полковник Веллер, начальник штаба, сосредоточенно рассматривал карту и хмурился. Полковник Буссе, невысокого роста, плотный, с крупной головой, барабанил пальцами по краю стола и мысленно прикидывал, какие воинские части ближе всех находятся к Феодосии. А начальник тыла полковник Гаук, высокий, узкоплечий, поправив очки, застыл с раскрытым блокнотом в руке, готовый записать приказ командующего. Полковник Хорст, начальник разведки, высокий и надменно-самоуверенный, стоял с опущенной головой и нервно покусывал губу. Барон Рихтгофен, командующий 8-м авиакорпусом, тихо переговаривался со своим начальником штаба полковником Кристом. Один Родель, тучный баварец, представитель клана эсэсовцев, хитро усмехался. Каждый понимал, что произошло невероятное. Высадка крупного десанта в Феодосии, в дополнение к десанту в Керчи, перечеркнула все усилия армии взять Севастополь штурмом.

— Как такое могло произойти? — генерал пальцем указал на карте на Феодосию и сделал нажим на слове «такое». — Как могли такое прозевать?

Этот вопрос Манштейн адресовал в первую очередь полковнику Хорсту, начальнику разведки. Высокий и самоуверенный Хорст, гордившийся своими подчиненными, Хорст, который, как он постоянно утверждал, «покрыл весь Крым агентурной сетью», который знал по фамилиям командиров любого участка обороны Севастополя, стоял столбом и молча выслушивал командующего, поджав сухие узкие губы.

— Не одна паршивая лодчонка, а целая эскадра! Эскадра! Два крейсера, три эсминца, два тральщика, двенадцать торпедных катеров, а с ними два десятка крупных транспортных судов да еще рыбацьи сейнеры, самоходные шаланды и баржи, баржи на буксире, — читал Манштейн по донесению, — и всю эту эскадру, этот караван судов не увидать, не заметить в открытом море?! Не заметить, что движется эта эскадра не куда-

нибудь на глухое и дикое побережье, а прямо в крупный и стратегически важный порт? Куда смотрела наземная и воздушная разведка?

Полковник Хорст хмуро молчал. Час назад начальник разведки сам задавал эти же вопросы своим подчиненным, задавал более резко и с добавлением отборных ругательств. Те ничего вразумительного не могли ответить, как и он сейчас ничего не мог сказать в свое оправдание.

Эти же вопросы командующий адресовал и Роделю, который имел свою агентурную сеть и разведку. Эсэсовец лишь грустно и виновато пожал плечами.

— Понятно и без слов, — произнес командующий.

Манштейн хмуро смотрел на оперативную карту и видел то, что офицеры штаба лишь смутно чувствовали. Мысли, как молнии, одна опаснее другой, пронеслись в его голове. Надо немедленно принимать меры! Он увидел неотвратимую опасность, которая каменной громадой нависла над его армией, все основные силы которой брошены на штурм Севастополя, а за спиной почти никого. Дороги от Феодосии — шоссе и железнодорожная — ведут на север, к Перекопу. Не дай бог, если русские устремятся на север, к Джанкою. Всего каких-то пару сотен километров. Армия окажется отрезанной...

Полгода назад, в первые дни войны, он, Манштейн, тогда командир 56-го танкового корпуса, именно так и поступил. Стремительный кинжальный рейд от границы от Клайпеды на восток, в глубь страны, прорезая Прибалтику. Танковый корпус наступал без остановки, без передышки, не обращая внимания на то, успевают ли соседи за ним, оставляя позади не только свои, но и русские войска. И это за четыре дня войны! Танковый корпус преодолел, сметая заслоны и ломая отчаянное сопротивление, почти три сотни километров! Ранним утром 26 июня танки корпуса вышли к берегу широкой реки Двина у города Двинска и с ходу захватили оба крупных стратегических моста. Русские не успели их взорвать...

Все эти приятные воспоминания пронесли в его голове. Надо немедленно что-то предпринимать. И мысль остановилась на авиации. Сейчас только авиация способна быстро отреагировать, нанести удары по русскому десанту. Манштейн посмотрел на барона фон Рихтгофена, командующего 8-м авиационным корпусом, отважного летчика, который сам часто летал и руководил полетами своих эскадрилий.

— Обстановка критическая, — сухо и властно сказал ему Манштейн. — Надо помешать высадке войск. Сколько самолетов могут подняться в воздух?

— Сто пять, герр генерал!

— Это хорошо. — И Манштейн приказным тоном добавил: — Все крылья, какие сейчас есть, направить сюда!

Он указал на Феодосию.

— Яволь! — Барон откозырнул и вместе со своим начальником штаба полковником Кристофом направился к выходу из кабинета.

Манштейн действовал быстро, понимая важность момента.

— Передайте генералу Шпонеку мой приказ: заблокировать десант и не позволить ему продвигаться вглубь. Всеми силами удерживать Керченский полуостров! Окажем всемерную поддержку всеми имеющимися средствами. Повторяю: всеми силами удержать Керченский полуостров!

Потом он, не отдавая приказа о прекращении штурма Севастополя, спросил начальника штаба:

— Что осталось в резерве?

— Одна дивизия, — полковник Веллер назвал ее номер, — и две румынские бригады.

— И все?

— Все, — ответил Веллер, — не считая отдельных вспомогательных частей.

— Какое положение в пятьдесят четвертом корпусе?

— Пятьдесят четвертый армейский корпус понес большие потери, и его полки, прекратив наступление,

по вашему приказу отходят с захваченных позиций ввиду сложности рельефа и неудобства для обороны.

— А тридцатый корпус?

— У него положение лучше. Он успешно удерживает занятые позиции. Сто семьдесят вторая дивизия во втором эшелоне.

— Снять у тридцатого корпуса сто семьдесят вторую дивизию и вместе с румынскими бригадами немедленно направить ее на Керченский полуостров, к Феодосии, в подчинение генералу Шпонеку, — приказал Манштейн и посмотрел на начальника тыла. — А вам, полковник, обеспечить быструю переброску этих войск и, главное, боеприпасов!

Вошел дежурный офицер связи:

— Разрешите, герр генерал?

— Слушаю! — Манштейн, а за ним и все офицеры штаба повернулись к связисту.

— Только что получено срочное донесение от генерала фон Шпонека. Читаю, — офицер уставился в текст: — «Положение корпуса катастрофическое. Феодосию удержать не сможем, идут уличные бои. Противник наращивает силы, идет высадка новых полков в порту. Противник активно атакует. Мы долго продержаться не сможем».

— Сообщите Шпонеку, чтобы всеми силами удерживал Керченский полуостров! Не давал русским развивать успех! На помощь перебрасываем дивизию и две румынские бригады.

Командующий армией задумчиво прошелся по просторной комнате, которая еще недавно была кабинетом председателя крупного и богатого крымского колхоза. Манштейн знал, что эсэсовец Родель, грубоватый и хитрый баварец, наверняка уже успел обо всем доложить в Берлин. И каждое слово Манштейна, каждый его приказ будут обсуждаться и взвешиваться там, в столице рейха.

В 10 часов утра пришло новое, еще более тревожное донесение генерала Шпонека: генерал Гимме, командир 46-й дивизии, не смог удержать Керчь, и его

полки отступают; положение безнадежное. Русский десант смог полностью овладеть Феодосией, в порту идет постоянная выгрузка новых полков, они с ходу вступают в бой и продвигаются в глубь полуострова. В данный момент уже идут упорные бои под Владиславовкой. Ввиду создавшегося критического положения он, генерал Шпонек, вынужден отдать приказ своим войскам оставить Керченский полуостров.

Манштейн мысленно чертыхнулся. От Владиславки железная дорога идет прямо на север, минуя Севастополь и Симферополь, отрезая и блокируя его 11-ю армию.

— Запрещаю покидать Керченский полуостров! За-пре-ща-ю! — Манштейн ударил кулаком по столу. — Запрещаю! Удерживать полуостров всеми силами! Так и передайте! Удерживать! На помощь идут дивизия и две румынские бригады. Докладывать мне через каждый час о положении дел!

Манштейн негодовал. Как граф Шпонек мог самостоятельно, без согласования, принять такое решение? Как? Струсил? Он не ожидал от него, braveго и заслуженного генерала, такого. Никак не ожидал. Спасал свою задницу от русских штыков? И еще в голове пронеслась обжигающая мысль, что за отвод войск с Керченского полуострова отвечать перед фюрером придется ему, Эриху фон Манштейну, а не графу Шпонеку. Он, командующий армией, лично несет полную ответственность за весь Крым.

Критическая обстановка требовала от него принятия быстрых и решительных мер. И в то же время в глубине души пронеслось спасительное понимание, что внезапный русский десант в Феодосию, особенно самовольное бегство Шпонека с полуострова, отводит от него, от Манштейна, гнев фюрера за неудачи под Севастополем, за долгое топтание перед этой морской крепостью.

Выдержав паузу, Манштейн громко и властно произнес:

— За самовольное отступление, что привело к фактической потере стратегически важного Керченского полуострова, отстраняю генерал-лейтенанта фон Шпонека от командования сорок вторым армейским корпусом! Это первое. И второе! — Манштейн на минуту задумался. — Где генерал Маттенклотт?

— Генерал-майор Маттенклотт в штабе своей дивизии, — сухо, как обычно, доложил полковник Веллер.

— Командира сто семьдесят второй пехотной дивизии генерал-майора Маттенклотта назначаю командиром сорок второго армейского корпуса, — приказал Манштейн. — К командованию корпусом приступить немедленно!

Дав еще несколько распоряжений и поручений, Манштейн отпустил подчиненных.

— А вас прошу остаться, — сказал он начальнику разведки Хорсту и ээсовцу Роделю.

Когда они остались вдвоем, Манштейн задал вопрос, который его тревожил с утра, с момента получения известия о высадке морского десанта в Феодосии. Он спросил, обращаясь к ним обоим:

— Меня беспокоит судьба Гюнтера фон Штейнгарта. Как вы думаете, господа офицеры, где, по вашему мнению, сейчас может находиться генерал-лейтенант Генерального штаба?

Мысленно командующий назвал Штейнгарта «берлинским коршуном», но вслух произнес его полный титул.

— Из Берлина уже спрашивали о нем.

— Как вам известно, герр генерал, Гюнтер фон Штейнгарт вместе с племянником и адъютантом неделю назад отбыл в Феодосию, — доложил начальник разведки. — И как он заявил перед отъездом, всего на три-четыре дня.

— Но он увез папку с важными документами, — добавил Родель.

— Я это и имею в виду, — озабоченно произнес командующий, — с ним документы строгой секретности

и еще его племянник, который многое знает, чего другим знать не положено.

— По нашим данным, — Родель сделал акцент на словах «по нашим данным», подчеркивая, что эсэсовцы имеют свои источники информации, — у генерала Вильгельма Гюнтера фон Штейнгарта в Феодосии имеется то ли дальняя родственница из зажиточной семьи немецких колонистов, поселившихся в Крыму еще в прошлом веке, то ли любовница. Он встречался и сблизился с ней еще двадцать лет назад, когда германские войска оккупировали Крым.

— Весьма интересно, — усмехнулся Манштейн. — Теперь понятно, почему он так торопился в Феодосию!

— По нашим уточненным данным, — Хорст тоже сделал упор на слова «уточненным данным», — генерал-лейтенант не задержался в Феодосии, а с охраной выехал в Керчь к генералу Шпонеку. Но в Феодосии остался его племянник.

— По нашим данным, — произнес Родель, — получив известие о высадке десанта южнее Керчи, фон Штейнгарт на легковом автомобиле и под охраной мотоциклистов ночью выехал в Феодосию.

— У него с собой папка с документами, на которых стоят гриф «Секрет государственной важности» и гриф «Совершенно секретно».

— Именно это меня и беспокоит. Мне нужны точные сведения о том, где сейчас находится Штейнгарт. — Командующий, сделав паузу, продолжил: — Приказываю вам принять все возможные и невозможные меры, чтобы обезопасить генерала. Не жалейте средств. Задействуйте всю агентуру! Но главное, помогите ему и его племяннику выбраться оттуда, из огненного пекла, и прибыть сюда, в штаб армии. Папка с важными секретными документами не должна попасть в руки врага!

Гитлер был взбешен, когда получил известие о внезапной высадке крупного морского десанта в порту Феодосии и потере Керченского полуострова. Командир дислоцированного в Крыму 42-го корпуса генерал

граф Шпонек был немедленно снят с должности, отозван в Берлин и предан суду военного трибунала.

Председательствовал на заседании трибунала Герман Геринг.

Судебное разбирательство было кратким и больше походило на расправу. Генерал-лейтенант граф фон Шпонек был лишен всех званий, орденов и наград и приговорен к смертной казни.

Но приговор сразу не был приведен в исполнение. Графа посадили в камеру смертников. А спустя некоторое время смертная казнь была заменена пожизненным заключением в крепости.

Глава вторая

Алексей Громов нахлобучил шапку и поднял воротник бушлата. С моря дул злой, пронизывающий насквозь ветер. Зима выдалась необычно холодной для Крыма, снежной и морозной.

Он стоял в развалинах своей комнаты. В том, что осталось от нее и от всего дома. Стоял растерянный и отрешенный, веря и не веря своим глазам. Командир разведывательной группы специального назначения лейтенант морской пехоты Вадим Серебров разрешил старшине первой статьи Алексею Громову отлучиться всего на один час, чтобы «побыть дома».

— Я по-быстрому! Туда и обратно! — весело ответил Алексей, довольный редко выпадавшей на войне возможностью побыть дома.

Такая возможность была у Громова ровно полгода назад, еще в мирное время, в начале июня 1941 года, когда вернулся из Москвы в Севастополь со Всесоюзных соревнований Военно-морского флота по боксу. Поехал в Москву Алексей Громов чемпионом Черноморского флота, а вернулся из столицы чемпионом в среднем весе Военно-морского флота СССР! В Севастополе его чествовали как героя. Командующий Черноморским флотом своим приказом поощрил старшину первой статьи отпуском на неделю домой.

Но Алексей не воспользовался такой возможностью, не побывал дома, не повидался с родными. Он не поехал в Феодосию, хотя она и была рядом. Громов отложил, вернее, отодвинул отпуск домой. Начинались крупные военные учения: совместные маневры Черноморского флота и войск Одесского военного округа.

К этим учениям долго и упорно готовились на всех кораблях. На крейсере «Червона Украина», на котором служил Громов, тоже отрабатывались действия всех служб и подразделений.

Старшина первой статьи Алексей Громов, один из лучших артиллеристов корабля, просто не мог, совесть не позволяла, оставить товарищей по службе в такие ответственные дни. Командир корабля капитан второго ранга Заруба, узнав о таком решении чемпиона — гордости крейсера! — сказал тогда Громову: «Молодец! Правильно решил! — И добавил: — Если маневры пройдут успешно, поедешь к родным в Феодосию не на одну, а на две недели!»

Маневры прошли успешно. Экипаж крейсера «Червона Украина» получил благодарность от командующего Черноморским флотом. На базу в Севастополь пришли в пятницу, а с понедельника 23 июня Алексей должен был отбыть в отпуск. Но в воскресенье, на рассвете 22 июня 1941 года, началась война — немецкие бомбардировщики совершили первый налет на главную базу Черноморского флота. Крейсер «Червона Украина», как и другие боевые корабли, стал отражать внезапное нападение врага...

Война началась совсем не так, как о ней думали, как к ней готовились. Началась не с победного наступления, не на территории врага, а с обороны на своей земле. Фронт стремительно приблизился к Крыму. Прорвав оборону на Перекопе, 11-я армия вермахта ворвалась на полуостров. В конце октября началась оборона Севастополя.

Прошло всего полгода с начала войны, а сколько уже пришлось ему пережить и испытать!

Более двух лет Алексей не был в родной Феодосии.

Развалины своего дома Алексей Громов увидел издалека. К горлу подкатил комок, перехвативший дыхание. И он, осторожно ступая по земле, как к чему-то опасному, стал подходить к тому месту, где еще недавно стоял их невысокий дом, родной дом, старый, с прогибом крыши от тяжести черепицы.

Теперь его не было.

Уцелела лишь одна стена. Другие стены, сложенные из такого же белого крымского камня, рухнули, а она уцелела. В редких щербинах и выбоинах от пуль и осколков. Сверху вниз перечеркивал выбеленную стену длинный и глубокий темный след. Его прочертила рухнувшая потолочная балка, когда обваливалась крыша. Она как бы отделила прошлое от настоящего.

О прошлой, ушедшей навсегда мирной жизни ему напоминали крохотные железные гвоздики, вбитые в стену. Ими Алексей прибил на этой стене свои первые спортивные грамоты и дипломы, заработанные на городских и областных соревнованиях по боксу. Грамоты и дипломы пропали. Лишь сиротливо черными точками торчали шляпки гвоздиков.

Уцелел кусок географической карты. Карту приклеил Алексей еще в шестом классе столярным клеем, за что ему тогда крепко досталось от деда. Жив ли он? В городском штабе Алексей узнал, что его дед, Степан Александрович Громов, ушел в крымские горные леса с партизанским отрядом, который возглавил подполковник Сергеев, начальник городского отдела милиции.

Алексей хорошо знал Сергеева. Именно он, дядя Костя, тогда еще капитан Константин Петрович, привел Алексея, ершистого подростка, росшего без отца, в секцию бокса. Приехал за ним на своей милицеской машине и из этого дома повез в порт, в Клуб моряков, заставил тренироваться. И следил, чтобы Алексей не отлынивал, не пропускал тренировки...

А о настоящем времени говорила пустая часть стены, которая была за рваным следом. Война расписалась на ней щербатыми следами от осколков и пуль. По степени разрушения Громов определил, что в дом угодил крупный снаряд. Один из тех, которые посылали в город пушки главного калибра наших боевых кораблей, приплывших штурмовать Феодосию. Громов видел, что снаряды легли кучно. Артиллерийским корабельным огнем снесли не только его дом, но и со-

седние. Почти вся улица лежала перед ним в горестных руинах. И щемящее чувство обиды, что невольно пострадали от своих же, а не от немцев, сдавило его грудь. Никогда не думал, что такое могло случиться.

Алексей прошелся по развалинам своего дома. Под подошвами флотских ботинок захрустела черепица. Он остановился. Жалко было давить черепицу. Она может еще пригодиться. Надо только разобрать завал, отсортировать, выбрать целую черепицу. Он так подумал и тут же грустно усмехнулся. Когда и кто это будет делать? Разбирать завал и сортировать черепицу? Дед в партизанах. А мама... Марию Игнатьевну немцы арестовали еще месяц назад и, как ему рассказали, увезли с другими арестованными в концентрационный лагерь, расположенный где-то под Симферополем на картофельном поле.

Вот и все... Ни дома, ни родных.

Эти месяцы, проведенные на войне, Громов чувствовал себя свободно и страха смерти не ощущал. Его молодое сердце было переполнено жизненной силой, сознание укрепляло уверенность в справедливости борьбы, которую вел народ. И это служило ему спасением от переживаний. Но сейчас он вдруг почувствовал себя беспомощным и одиноким. Дом, в котором Алексей жил с детства, лежал в развалинах. Раскрошенный в щебень и мусор, убитый и умерший, продуваемый стылým ветром, он тихо печалился. Безлюдье студило его душу.

Старое абрикосовое дерево, которое росло около дома, уцелело, но пострадало. Беспомощно свисала и тихо качалась крупная ветка, подрубленная осколком. Громов помнил, как в детстве лазил на нее и тянулся к спелым оранжевым абрикосам.

Он задумчиво стоял у этого дерева своего детства. Онемевшее сердце его было переполнено печалью и горечью утраты. Уцелели две вишни у снесенного забора. Голые фруктовые деревья замерли до весны и безучастно шевелили ветвями под напором ветра.

Ветер дул с моря, донося кислые запахи гари.

В порту, около маяка, вторые сутки горело полузатонувшее крупное транспортное судно. Густой черный дым стлался над серыми волнами, которые торопливо бежали к берегу.

Второй куст серо-бурого дыма поднимался над заливом напротив городского пляжа. Горел большой пароход «Жорес». В него во время высадки десанта угодили две авиационные бомбы и несколько снарядов. Он почти весь ушел под воду, завалившись на корму и на правый бок, задрав над морем острый металлический нос. Из огня и густого дыма косо торчала мачта, на которой ветер трепал порванный и побитый осколками красный флаг. Пароход, как живой, нервно вздрагивал, и из его нутра выплескивались наружу языки огня. В трюме взрывались военные грузы.

Крупный пожар бушевал на окраине города, на каком-то немецком складе под Лысой горой.

Было несколько и других мелких пожаров в городе, но эти три окутанных дымом крупных очага пожаров создавали тот треугольник, который помогал немецким летчикам хорошо ориентироваться с воздуха даже при плохой видимости. И они этим успешно пользовались. Немецкие самолеты безнаказанно кружили над городом и методично, не торопясь, сбрасывали смертоносный груз. Они нещадно, днем и ночью бомбили порт и жилые кварталы Феодосии.

Зимний день набирал силу, стало светлее, чем было. Зимнее солнце, спрятанное за серыми тучами, поднялось выше и посылало теплый свет на продрогшую землю. Со стороны дороги на Старый Крым глухо доносилась артиллерийская канонада. Далекий голос пушек нарушал грустное безмолвие развалин и был справедливым ответным действием за поругание мирной жизни. Громов знал, что там наши передовые части стараются сбить окопавшихся немцев, успевших организовать оборону, и погнать их дальше.

Алексей вслушался в пушечную канонаду и опытным слухом корабельного артиллериста невольно определил, что больше стреляют немецкие пушки, чем

наши. «Но все равно наступают наши, а немцы только огрызаются, поджимают хвост! — зло усмехнулся он и подумал о том, что наши топчутся там зря второй день. — Гнать их надо, преследовать в упор и бить огнем по пяткам!»

Но, видимо, на передовой не все так просто и легко получалось, как хотелось десантникам.

В глухой рокот далекой артиллерийской канонады резко вплелся прерывистый гул немецких бомбардировщиков. Алексей хмуро посмотрел на небо, затянутое серыми тучами. Самолетов не было видно, они летели выше туч. «Юнкерсы», — по звуку определил моряк. — С утра уже второй налет. Аэродром у немцев где-то поблизости, в Крыму».

Из района порта и центра города донеслись звенящие выстрелы зенитных пушек и торопливая стрекотная спаренных пулеметов. Но огонь был явно слабоват. Послышались гулкие взрывы. «Юнкерсы» кружили над портом и городом. Бояться им некого. Наших самолетов в небе над Феодосией не было. На Керченском полуострове еще не успели создать даже полевого аэродрома. А редкий огонь зениток и пулеметов немецких летчиков особенно не страшил.

Утром, когда был первый налет, Алексей Громов находился около порта. На углу Итальянской улицы стояла зенитная установка. Длинный ствол угрожающе смотрел в небо. У лафета находились артиллеристы. Одни сидели, другие стояли. Нервно курили, поглядывая на небо. Определяли место, куда упадет очередная бомба.

— Почему прохладаетесь, не открываете огонь? — зло спросил Громов, с неприязнью оглядывая зенитчиков. — Чего ждете?

— А чем вести огонь? — Пожилой сержант в шапке-ушанке длинно выругался. — Ни одного снаряда нету!

— Как же в десант пошли, и без боезапаса?

— Вот так и пошли, как начальство задумало. Мы с орудиями на одном корабле, а снаряды на дру-

гом, чтобы в случае чего, значит, дружно всем не взлететь и в море не потопиться.

— Понятно, — сказал Алексей понимающе.

— А нам не очень понятна такая арифметика. — Сержант снова длинно выругался. — Не война, а сплошной цирк с фокусами!

Его поддержал высокий узколицый зенитчик, выплевывая окурок:

— Мы вот успели под пулями в порту высадиться с оружием, а наши ящики со снарядами полным комплектом остались в море, на потопленном «Жоресе». Слышишь, как они там бесполезно рвутся? А нам чем воевать прикажете? Сидим тут без дела, как американские наблюдатели.

Алексей смотрел на хмурое небо, на низкие тучи, смотрел с неприязнью, словно они были виновником всех неприятностей. И вслушивался в разрывы бомб. По звуку определял, куда угодила очередная бомба. Этому он научился еще в первые месяцы войны в Севастополе. Если бомба попадала в порт, то взрыв был ровным, раскатистым, если бомба шлепалась в воду залива, он был звеняще гулким, а когда падала на прибрежные кварталы, то ее взрыв сопровождался звонкой трескотней. То разлетались осколки черепицы. Большинство домов в Феодосии издавна покрыты плотной тяжелой черепицей, сделанной из глины и обожженной в печах, как делают кирпичи. Сорванная с крыш взрывной волной, черепица с огромной силой шлепалась об асфальт, и ее осколки веером разлетались во все стороны.

— Вот зараза гадкая! — ругался Григорий Артавкин, пиная носком флотского ботинка черепичные осколки. — Мразь! Разрывается, как граната, проклятая черепица!

Бомбежка продолжалась.

От взрывов тяжелых бомб земля под ногами Алексея глухо и нервно вздрагивала. Держа автомат на взводе, он прислонился к дереву своего детства и чувствовал спиной, как ствол тоже вздрагивал от каждого разрыва.

К разрывам авиационных бомб, торопливым выстрелам зениток и тревожным очередям спаренных пулеметов добавились одиночные винтовочные выстрелы и отрывистые очереди автоматов. Алексей Громов знал, что город взят, но он еще полностью не очищен от врагов. Отдельные гитлеровцы или их небольшие группы, которые не успели или не смогли убежать из города, затаившись на чердаках и в подвалах домов, в минуты бомбежки вылезали из своих убежищ и стреляли по десантникам. Наряды моряков и пехотинцев в это время в грохоте бомбежки специально направлялись прочесывать улицы Феодосии, и в разных местах завязывались короткие вспышки боев.

Передвигаться в эти минуты по улицам было небезопасно. Алексей решил напрасно не рисковать, не соваться под пули и осколки и переждать бомбежку в развалинах своего дома.

Он стоял, прижавшись спиной к старому абрикосовому дереву, и мысленно возвращался в свое недавнее прошлое. Алексей смотрел в даль переулка, где возвышался остов двухэтажного здания, сложенного из местного камня. От дома остались одни обугленные стены. В этом доме, пустовавшем и заброшенном, на полутемном чердаке мальчишки с его улицы устроили свою тайную «кают-компанию». Чувствовали себя взрослыми: курили, играли в карты. Даже иногда и вино распивали.

Громов грустно усмехнулся. Каким же он был тогда глупым и несмышленным! На чердаке Алексей попал в кабалу по «карточному долгу» к опасному рецидивисту по кличке Грифт и его феодосийским друзьям, Филину и Кияну. И чтобы «отработать» денежный долг, чуть было не совершил преступление.

Грифт нацелился ограбить дом известного художника Шнайдера, похитить несколько картин. В доме жила вдова с дочерью. Художник недавно умер, он поехал в творческую командировку в Среднюю Азию, а из Бухары пришло известие, что его укусила ядовитая змея. В доме Шнайдера кроме его собственных

картин были ценные полотна западных живописцев и работа самого Айвазовского, единственный в мире эскиз к картине «Торжество Феодосии». Сама картина сгорела еще в 1905 году, при пожаре в здании городской мэрии. Для выполнения своего преступного плана он и привлек подростка.

Алексей был вхож в дом художника. Он с первого класса дружил с его дочерью Ларой. Этим и решил воспользоваться Грифт, залетный гастролер. Он заставил Алексея сходить в дом художника, быть внимательным, «как разведчик морских пиратов», все запомнить, особенно в какой комнате и на какой стене висят картины.

— Держи язык за зубами, а глаза раскрой пошире! — И дал такой подзатыльник, что Алексей еле устоял на ногах. — Топай и помни: череп и кости!

Алексей сходил в гости к Ларе. Она его чаем угостила, они мило поболтали. А когда Алексей вернулся, Грифт сунул ему в руки карандаш и лист бумаги:

— Рисуя план хаты!

Киян и Филин встали за спиной. Попробуй возразить, так тут же и прибьют. Алексей дрожащей рукой стал рисовать вход в дом через террасу, кухню, комнаты... Он только теперь начал осознать, какой ценой расплачивается за карточный долг.

— Где висят эти картинки?

Грифт показал вырезанные из журнала цветные репродукции. Алексей сразу узнал их. То были картины французских экспрессионистов и эскиз Айвазовского к полотну «Торжество Феодосии».

— Там. Там много их, разных.

— Где висят эти? — Киян сунул кулаком под ребро.

— Больно! Ты чего?

— Показывай и не темни!

— Дай припомнить...

— Дать? Сейчас так дам по рогам, что враз копыта откинешь, — пригрозил Киян.

Алексей ткнул карандашом в гостиную, показывая, где висели картины:

— Вот тут... Обе.

— Наводка что надо! — Грифт сразу стал добрым и веселым, довольно потер ладони. — Живем, братва! За эти вшивые картинки знающий человек кучу бумажек отвалит!

Киян и Филин на иллюстрацию из журнала смотрели так, словно перед ними уже лежала куча денег. А Алексею стало не по себе. Острое чувство вины, словно раскаленные угли, жгло его изнутри. Из-за каких-то жалких рублей, позорного долга, он открыл дорогу в дом к хорошим людям.

— Хату берем сегодня! — властно сказал Грифт, пряча в карман брюк цветные вырезки из журнала.

— Почему про телефон зажилил? — Киян набросился на Алексея. — Я сам провода видел!

Грифт жестко, словно у него были не пальцы, а щипцы, схватил Алексея за ухо и нагнул к нарисованному плану дома:

— Где аппаратик?

Алексей взвыл от боли. Торопливо ткнул пальцем в гостиную:

— Здесь... У окна телефон! Больно!.. Вы ж... не спрашивали... Отпустите!

— Киян, как заскочим, сразу отрезай телефон, — приказал Грифт.

— Бу сделано!

— А если скачок сорвется, то знайте, никого не пощажу! — пригрозил Грифт, глядя в упор на Алексея. — Череп и кости!

Умирать Алексею не хотелось. И идти на кражу тоже. Страх за будущее липкой паутиной охватил его всего. Алексей мысленно представил, как Грифт хватает Лару за горло, всовывает ей в рот тряпку... Как луч фонарика скользит по стене, по картинам... Холодная испарина выступила на лбу, вспотели ладони. Все его существо протестовало. Нет! Нет!

— Пей! — Киян приставил к губам Алексея стакан. — Самое лучшее в подвале винсовхоза, с марками. Не дрейфь!

Алексей и сейчас помнит, как он тогда выпил с жадностью до дна, стуча зубами о край стакана.

— Закуси!

Алексей сунул в рот кусок сыра. По телу пошла теплая волна. Страх исчез, появилась надежда. Может быть, в доме художника не спят, опасно будет соваться, и все сорвется...

Потом пили еще. За удачу, за дружбу. Грифт рассказывал смешные истории. Вытащил карты, играли в «очко». Алексею фартило, карты шли в руки, он выигрывал. Вернее, отыгрывал свой долг.

Ночь была темной.

Алексей Громов сейчас, спустя годы, мысленно возвращался в то время, снова ощущал себя подростком и снова переживал напряженно-тревожную ночь. Ночь, ставшую поворотной точкой в его судьбе.

К дому шли разными путями. Алексея сопровождал Киян, чтобы не струсил, не сбежал. Улица была темной и безлюдной. Где-то вдаль лениво тявкала собака. Со стороны порта доносились стук вагонных буферов, ляг лебедок, пыхтение паровоза, шум моторов. Работы в порту не прекращались и ночью.

У Алексея комок подкатил к горлу. В порту бригадиром грузчиков работал его отец. В те годы, особенно в Поволжье, была засуха, в полях под жаркими солнечными лучами выгорел хлеб, десятки тысяч людей умирали от голода. В разных странах собирали средства для спасения голодающих. Французский писатель Анатоль Франс пожертвовал свою Нобелевскую премию. Знаменитый норвежский полярный исследователь Фритъоф Нансен создал благотворительную «Организацию Нансена», которая занималась сбором и отправкой продовольствия в Россию. Порт Феодосии стал основным пунктом приема помощи. Пароходы нужно было быстро разгружать и перемещать груз в вагоны. Грузчики работали днем и ночью.

За героический труд порт Феодосии был удостоен самой высокой награды страны — ордена Трудового Красного Знамени. А Ивана Громова и с ним еще не-

скольких передовиков наградили правительственными грамотами «Листок Трудового Красного Знамени». Эта грамота как память об отце висит дома в рамке под стеклом. Феодосийский художник Шнайдер рисовал Ивана Громова, и портрет был выставлен в центре города, на аллее «Знатные люди Феодосии».

На той бессменной и тяжелой работе в порту отец, в прошлом отважный моряк, и подорвал свое богатырское здоровье... «А его сын, — грустно подумал Алексей, — связался с бандитами и идет грабить квартиру художника».

— Не дрейфы! — Киян больно ткнул кулаком в бок.

На другом конце улицы показались Грифт и Филин.

За каменным забором и в окнах темно. Тусклая лампочка освещала жестяной квадрат с номером дома. Сердце бешено колотилось в груди. Во рту стало сухо. Ноги не слушались. Алексей Громов и сейчас, спустя годы, переживал и осмысливал те минуты своего морального падения и внезапного духовного взлета. Своего отчаянно мужественного поступка, граничившего с подвигом. Откуда нашлись у него силы? Как он решился? Как он, безоружный и беспомощный мальчишка, отважился на такой шаг? Окруженный бандюгами, загнанный в угол, он не пал духом, не дрогнул и в последние секунды решился на отчаянный поступок, решился, по сути, пожертвовать собой, но не допустить совершения преступления! Алексей и сейчас помнит, как его обожгла и пронзила, словно удар тока, спасительная мысль: «Надо разбудить! У них же телефон! Вызовут милицию!»

— Ты что делаешь, падла? — хрипло заорал Филин.

Но Алексей не думал ни о себе, ни о возможных последствиях. Коротко размахнувшись, он запустил крупный, окатанный морскими волнами голыш в окно дома. С гулким треском разлетелось толстое стекло, и тут же Алексей получил сзади сильный удар в ухо. Отлетел в сторону и, падая, увидел краем глаза, как в доме вспыхнул электрический свет.

— Падла! Паскуда!

Его били все трое. Яростно, безжалостно, торопливо. А он молчал, только закрывал голову руками. И чувствовал себя отчаянным героем. Это чувство придавало ему силы терпеливо сносить удары...

Залаяли соседские собаки. Захлопали двери, послышались взволнованные людские голоса. Кто-то из соседей выбежал на улицу.

— Держи хулиганов!

— Атанда! — подал команду Грифт. — Врассыпную!

Он и Киян успели убежать. Задержали Филина и Алексея, который с трудом поднялся на ноги. Филин тут же выкрутился.

— Это все он, падла! Он камень запустил в окно! Он! Прибить его надо, чтоб не ползал по земле! Мало ему дали! Мало!

Алексей и рта не успел открыть в свое оправдание, как двое мужчин скрутили ему руки. Кто-то вцепился подзатыльник. А пожилая соседка воскликнула с негодованием:

— Да он же пьяный! Несет, как из бочки!

Подошли мать Лары и испуганная Лара. В ночной белой сорочке, поверх которой был накинут цветастый халатик, в шлепанцах на босую ногу. Лара с удивлением уставилась на Алексея.

— Алеша... Как же ты смог? Как же мог!.. Ты... Ты!..

Она закрыла лицо ладонями и, никого не стесняясь, заплакала. Потом круто повернулась и пошла в дом.

— В милицию его! — раздался голоса. — Там разберутся!

Алексею было горько и обидно. Слезы сами текли из распухших глаз. Кровоточила разбитая губа, и он ощущал солоноватый привкус крови. Подталкивая в спину, его повели в милицию. Не отпускали и Филина, хотя тот и пытался ускользнуть. Его задержали как свидетеля. А о том, что он бил ногами лежащего, никто не вспоминал.

В милиции разговор был коротким. Алексея никто не хотел слушать, хотя он и не настаивал. Он никого не назвал, никого не выдал. Мужественно спасал своих

дружков, беря всю вину на себя. Надеялся с мальчишеской наивностью, что это ему зачтется, блатные оценят его благородный поступок.

Филина вскоре отпустили, и, уходя, он пригрозил Алексею, показав сжатый кулак.

Дежурный старшина, крупный телом, с запорожскими усами, обходительно разговаривал с матерью Лары, обещая «довести дело до конца» и примерно наказать злого хулигана.

— О результатах, гражданка Шнайдер, мы вам обязательно сообщим.

Алексей сидел в углу на табуретке, избитый, взъерошенный, глотая слезы. Сидел, понуро опустив голову, сгорбившись, и со стороны выглядел не отчаянным хулиганом, каким его представляли, а жалким птенцом, выпавшим из родительского гнезда.

Алексей Громов отчетливо помнил и снова мысленно переживал те неприятно позорные минуты пребывания в милиции. Неизвестно, чем бы все закончилось и как бы повернулась его дальнейшая жизнь, если бы не появился капитан Сергеев, первый заместитель начальника отделения милиции. Он выходил в море вместе с пограничниками, они успешно провели операцию по задержанию шхуны с контрабандным товаром. По дороге домой капитан решил заглянуть в управление. Старшина быстро отрапортовал ему о ночных происшествиях в городе, особо подчеркнул факт задержания молодого хулигана, да к тому же еще и пьяного.

— Из местных, фамилия Громов. Говорят, что батяка его был уважаемым человеком.

— Где он? — спросил Сергеев. — В камере?

— Вон в углу хорохорится.

Алексей, услышав знакомый голос, опустил голову еще ниже. В командирской милицейской форме перед ним стоял дядя Костя, друг отца, который некогда часто бывал у них дома. Алексей не раз слышал от деда, что «Костя в гору пошел» и стал знатным начальником в милиции.

— Протокол составили?

— Как положено, товарищ капитан! Чистый малолетний преступник!

— Завтра разберемся, а сейчас парня забираю с собой, — сказал Сергеев и повернулся к Алексею. — А ну-ка, Алексей Иванович Громов, прошу следовать за мной!

Алексей, не поднимая головы и горько всхлипывая, встал и понуро пошел за Сергеевым к выходу. У подъезда стоял легковой автомобиль.

— Садись, Алексей Иванович, — строгим голосом сказал капитан и повелел шоферу ехать на Карантин. — Доставлю тебя к деду и матери, и там разберемся, как ты до такого опустился. Они, понимаешь, трудятся в поте лица, как все сознательные граждане страны, рубли зарабатывают, чтобы тебя одеть и накормить, а ты шkodничаешь, как самый паршивый кот!

— Совсем не шkodничал я, дядя Костя...

— А кто тогда окно раскокал?

— Так надо было.

— Надо? — удивился Сергеев.

— Ага...

— Чушь городишь, Лешка!

— Так надо было, — упрямо повторил Алексей.

— Ну, если так, тогда другое дело, — с усмешкой сказал Сергеев. — Сейчас разберемся.

Машина быстро мчалась по ночному городу. Лучи фар выхватывали из темноты очертания домов, заборов, деревьев, но теперь они казались иными, особенными.

Перед домом, когда вышли из машины и зашли во двор, Алексей схватил капитана за руку.

— Что это, дядя Костя?

В предрассветной темноте было видно, что двери дома запахнуты настежь. Алексей помнил хорошо, что, уходя, он дверь закрывал на ключ.

— Родители дома? — спросил Сергеев.

— В ночной смене... — ответил Алексей, предчувствуя что-то недоброе.

— Пошли, — сказал капитан и, не ожидая ответа, направился к распахнутым дверям дома.

Алексей с бьющимся от волнения сердцем поспешил за ним. Было похоже, что в доме побывали чужие люди. А когда включили свет, Алексей замер. В пустом гардеробе не было ни дедушкиного шерстяного костюма, ни зимнего пальто матери, ни его вельветовой синей новой куртки... Даже скатерть со стола унесли.

— Поработали основательно, пока ты шкодничал, — сказал Сергеев, осматривая комнаты. — Заезжие, что ли, появились?

Алексей молчал. Внутри у него все похолодело. На полу валялся «Листок Трудового Красного Знамени» — память об отце. А на стене, где висела грамота, куском древесного угля был нарисован черный череп и скрещенные кости. Такие черепа рисовал Грифт. Алексей смотрел на стену и не верил своим глазам. Как же так? Он их в милиции прикрывал, не выдал, всю вину брал на себя, а они...

— Гады!.. Гады!.. А я им верил! Клялись в дружбе навек... Это их метка!

— Ты их знаешь? — В голосе капитана звучало удивление.

— Да...

Торопливо, глотая концы слов, Алексей рассказал ему все. Про Филина, Кияна и Грифта, про игру в карты, про свой проигрыш, про то, как задумали ограбить дом художника и выкрасть картины, про Лару, про то, как не хотел идти на кражу...

— Выходит, что ты окно разбил с умыслом? Хотел разбудить и предупредить их об опасности?

— Я ж сразу сказал вам, что так надо было.

— И они за это тебя били?

— Все трое...

— Что ж ты мне сразу всю правду не рассказал, а? Эх, голова садовая, сколько времени потеряли! — Сергеев ласково потрепал Алексея по голове. — Поехали назад, в милицию!

Чутье подсказывало ему, что Алексей поможет ухватиться за ниточку и взять преступную группу.

В милиции Сергеев провел Алексея в свой кабинет. Вынул из шкафа и разложил перед ним фотографии особо опасных преступников, на которых объявлен всесоюзный розыск.

— Посмотри внимательно! Может, здесь есть твои знакомые?

Алексей посмотрел на фотографии и сразу указал пальцем на одну. С нее смотрел Грифт. Только под носом у него были маленькие усики.

— Это он, дядя Костя! Самый главный! Только без усов.

— Спасибо тебе, Алеша! Его по всему Крыму разыскивают, а он приютился у нас под боком. Как же мы его проворонили?

— Так он на чердаке отсиживался. Даже никакого загара нет на лице, хотя и говорил, что с Северного моря прикатил.

— Моряк, да еще с Северного моря? С севера — это точно, но только из тюрьмы, потому и бледный такой. — Капитан положил руку на плечо Алексея. — Это очень опасный преступник. На его совести кровь многих людей и крупные грабежи.

По распоряжению Сергеева к заброшенному дому срочно выехала оперативная машина с работниками уголовного розыска. Но на чердаке никого не нашли. Были перекрыты выезды из города, вокзал и порт. Но все усилия оказались тщетными. Грифта нигде не было. Вместе с ним исчезли Киян и Филин.

Утром Сергеев позвонил на квартиру художника. Матери Лары он рассказал обо всем и добавил, что Алексей Громов совершил мужественный поступок: спас не только ценные картины, но и их жизни...

В дом к Громовым капитан приехал в воскресный день. Вызвал Алексея:

— Поехали со мной!

Алексей, не спрашивая, покорно уселся на мягкое сиденье легковой машины. Сергеев повелел шоферу:

— К Шлюпкину!

Кто такой Шлюпкин, Алексей тогда не знал. Он просто доверял дяде Косте.

Приехали к Клубу моряков. Сергеев повел его во двор, где находился спортивный зал. В продолговатом здании с большими окнами и низким потолком шли тренировочные занятия боксеров. Одни в пухлых перчатках, к удивлению Алексея, дубасили друг друга, другие колотили два длинных мешка, которые свисали с потолка на веревках, третьи прыгали через скакалку, как девчонки.

Навстречу Сергееву вышел плотный рыжеволосый мужчина в синих спортивных шароварах и красной футболке, сквозь которую просматривались крутые мышцы.

— Привет, Константин Петрович! — сказал он, пожимая руку первому заместителю начальника городского отдела милиции. — Привел?

— Вот он, наш герой! — Сергеев ласково подтолкнул Алексея. — Научи-ка его боксерским навыкам, чтобы умел постоять и за себя, и за нашу рабоче-крестьянскую власть. Надо сделать из него человека! А ежели станет отлынивать или пропускать тренировки, сразу докладывай мне. Я сам приму нужные меры!

Сергеев повернулся к Алексею:

— Познакомься, Леша. Это Кирилл Бертольдович Шлюпкин, твой тренер и учитель по боксу. Слушайся его, как отца родного!

— Хорошо, дядя Костя!

Так в его жизнь на долгие годы вошел человек, соединивший в себе русское имя Кирилл с нерусским странным отчеством Бертольдович и морской фамилией Шлюпкин. Боксеры называли его Борисовичем, а за глаза ласково именовали Кир-Бором. Именно благодаря ему и его поддержке Алексей шагнул в загадочно-таинственный мир спорта.

Но путь к его вершинам оказался весьма и весьма тернистым...